

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Вернем Волгограду имя Сталина!

24 февраля на заседании Госдумы коммунисты предложили переименовать Волгоград в Сталинград, а также переименовать одну из центральных площадей или улиц города-героя Москвы с последующей установкой на ней памятника Верховному Главнокомандующему Генералиссимусу И.В. Сталину, под руководством которого советский народ сокрушил гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне. Это было бы данью памяти великому государственному деятелю в преддверии 70-летия Победы СССР над фашистской Германией. Однако другие фракции коммунистов не поддержали.

По мнению авторов инициативы, переименование города на Волге подчеркнет непреходящее значение Сталинградской битвы. При обсуждении данного вопроса не должно быть места антисоветским взглядам, ведь речь идет об истории нашего народа, которая создавалась многими поколениями. Увековечена память Дмитрия Донского, Александра Невского, других выдающихся российских государственных деятелей. Советская эпоха во многом олицетворяется с именем Иосифа Виссарионовича Сталина. Сталинград и Сталинградская битва неразрывно ассоциируются у людей с именем

Сталина. Как в России, так и за рубежом.

Незнание истории своей страны и пренебрежительное к ней отношение губительно для народа. «Когда мы отрицаем всё советское, саму советскую эпоху, этот ярый антисоветизм внутри страны играет на руку нашим западным врагам, — уверен депутат - коммунист Юрий Афонин. — На этом топливе они разжигают русофобию. Сегодняшнее заявление, которое наша фракция внесла на рассмотрение в Госдуму, призвано объединить российское общество. Мы должны знать многовековую историю России, не отрицая, а, напротив, объединяя всё...».

Проект возвращения Волгограду его героического имени учитывает желание волгоградцев. Коммунисты Сталинградского обкома КПРФ провели народный референдум, в ходе которого было собрано более 500 тысяч подписей в поддержку инициативы.

Несмотря на поддержку начинания местными жителями и на его особую значимость в преддверии юбилея Победы, проект постановления, подготовленный коммунистами, не был принят: в голосовании не участвовали практически все представители «Единой России». За переименование проголосовали 94 депутата, в том

числе два члена «Единой России» и один — «Справедливой России». ЛДПРовцы практически единодушно проголосовали против проекта, а ее лидер — Владимир Жириновский — даже пообещал добиться возвращения городу его первого названия — Царицын. Комментировать серьезность подобных заявлений скандального политика, очевидно, излишне.

Однако коммунисты не отступят от цели и продолжат бороться за то, чтобы имя Сталина было достойно увековечено в названиях городов и улиц, а также в произведениях монументального искусства.

Мария Михалева

«Военное детство вспоминаю всю жизнь»

Я, **Нина Александровна Краснова**, родилась в Москве в 1930 году в семье военнослужащего и домохозяйки. Отец закончил бронетанковую академию им. Сталина с отличием и был в команде разработчиков танка Т-34. В семье было трое детей. Старший брат родился в 1929 году, младший — в 1940 году.

За несколько дней до войны отец был отправлен в командировку. Куда и зачем, мы не знали. Когда по радио прозвучали первые слова о войне, на маму было страшно смотреть: она окаменела от ужаса. Я ее обняла, боялась, что она уронит спящего на ее руках ребенка. Так и стояли молча.

Когда фашисты бомбили Москву по несколько раз в день, необходимо было спускаться в бомбоубежище. Как сейчас помню эти страшные позывные: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Несколько раз мы ста-

новились свидетелями того, как над Москвой пролетали немецкие самолеты, а затем сбрасывали так называемые фугаски. Мой брат, которому тогда было 11 лет, вместе с другими мужчинами бежал тушить их.

Помню, как в Москве началась производиться эвакуация заводов и людей. К нам пришли и сказали, что нашей семье тоже лучше эвакуироваться из города. Мама решила, что нужно ехать в Волоколамск, где жила наша родня. Мы подписали бумаги на эвакуацию, нашу квартиру опечатали, и мы отправились в путь. Где-то на середине пути, уже под Волоколамском, мы увидели вражеские самолеты, и мама решила, что лучше возвращаться в Москву и дожидаться папу. Так мы и сделали. С этого момента начались все наши беды. Как оказалось, в наш дом мы попасть не можем, потому что подписали бумаги на отъезд. Нас опять отправили на вокзал, сопроводили в товарный поезд, где уже было много отъезжающих людей. Спросить, куда едет поезд, не у кого.

Через несколько дней пути произошла новая неприятность. Мама на одной из станций попросила брата набрать воды в чайник. Он опоздал и отстал от поезда. Это была страшная трагедия: представьте, мы не знаем, где отец, и еще брата потеряли. Мама места себе не находила, нам сочувствовали другие пассажиры. Через несколько суток

наш поезд очень долго стоял на станции. Вдруг видим, брат идет с чайником в руках. Говорит: «Я бы не потерялся, мне военные сказали, что возьмут меня собой, буду сыном полка».

Как мы поняли, военные по номеру товарного поезда определили, где мы можем быть, и доставили моего братика в целости и сохранности. Помню, что тогда ликовал и плакал от радости весь наш вагон!

После нескольких суток дороги нас высадили на станции и на телегах отвезли в деревню в 30 км от города Туринск Свердловской области, расселили в доме многодетных, выделив маленькую комнатку. Маму определили работать в колхоз. Работы она не боялась, но от переживаний у нее пропало грудное молоко. Помню, как местные жители приходили, приносили кружку коровьего молока, она разводила его водой и поила младшего братика. Нам же со старшим братом оставалось молочка лишь самую малость, да краюшку хлеба давали — вот и вся еда. Из Москвы мама захватила с собой кусковой сахар, ей дали в кредит зерно в колхозе — первое время мы как-то этим и перебивались. Ни смелых одежды, ни теплых вещей не было. Помню, как от холода мы забирались на печку и спали там, как кусали нас клопы.

Мне было тогда восемь лет. Всех детишек собирали по деревне и возили за несколько ки-

лометров в школу, а я оставалась ухаживать за младшим братиком. На нервной почве у меня стало пропадать зрение. А старший брат, гасивший фугаски в Москве, стал плохо слышать, и это проявлялось все больше и больше. Впоследствии он стал инвалидом по слуху. У меня позднее, уже после войны, обнаружилась малярия в скрытой форме, лечили тогда только химией — хиной, отравляя весь организм.

Но главная беда была в том, что целый год мы не могли связаться с папой. Отправляли письма в Москву, а отклика не было, да и родственники думали, что мы в Волоколамске. Но, как узнали потом, папа стал нас искать — потеря семьи была для него трагедией. Он занимал очень важную должность, как говорится, головой отвечал за доставку танков на фронты. Узнав историю нашей эвакуации, нас нашел папин друг, дядя Миша. Он перевез нас в Свердловск и сообщил папе, что мы живы. Помню, мы какое-то время жили в Свердловске и получали военный паек от отца: три куса мыла и водку. Мама обменивала это на хлеб. Она была настоящим героем. У нее обнаружили очень редкую группу крови — «первую нулевую», и каждый месяц мама сдавала по пол-литра крови в «Фонд обороны». За это ей выдавали «рабочую карточку», и она могла кормить нас. Благодаря

тому, что отец должен был получать танки на свердловском «Уралмаше», мы встретились и вскоре, когда пришла телеграмма, что немцев отогнали от Москвы, папа забрал нас домой.

А дальше — школа, в которую я пошла в 1943 году, сразу во второй класс, постоянный холод в квартире, из-за которого мы были вынуждены печку буржуйку топить книгами, и вечное чувство голода. Помню школьный завтрак: кусочек белого хлеба и два куса сахара. Но даже этому мы радовались. Ничего не училось, только думали, поскорее бы третья перемена, чтобы получить хлеб и сахар.

Мы росли, нуждались в одежде, а одежды не было. Позже стали выдавать на нее ордера, но лишь тем, у кого погибли отцы. Наш отец был ранен и контужен, и нам ничего не полагалось.

Моя судьба сложилась нормально. Я поступила на химический факультет МГУ, потом перевелась в Ломоносовский университет тонких химических технологий, проработала специалистом на крупных предприятиях Москвы, воспитала дочь. Но тяжелое время, сопряженное с годами войны, выпавшими на мое детство, вспоминаю всю жизнь. Это горькая память нашего поколения детей войны, которая не стирается и живет глубоко в каждом из нас.

Подготовила
Мария Климанова

*Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.*

*Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.*

*Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.*

*Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...*

*Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно обрвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.*

*Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.*

*За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.*

Константин Симонов

1941

